

ДЕЛО ПЫТАЮ ИЛИ ОТ ДЕЛА ЛЫТАЮ?

(БОГАТЫРСКАЯ ДИЛЕММА)

Кандидат филологических наук
Дарья ЗАРУБИНА.

«Направо или налево, не могуя решить. Вижу, идёт мимо меня старичок. Попытаю его.

— Здравствуй, дедушка!

Старик останавливается, удивляется мне, не похожему ни на странника, ни на барина-чиновника, ни на моряка.

— Куда ты идёшь?

— Иду, дедушка, везде, куда путь лежит, куда птица летит. Сам не ведаю, иду, куда глаза глядят.

Смеётся старик, отвечает в тон:

— Дела пытаешь или от дела лытаешь?

— Попадётся дело, рад делу, но только, вернее, от дела лытаю.

— Ишь ты какой, — бормочет он, усаживаясь рядом на камень. — Дела да случаи всех примучили, вот и разбегается народ...

— Укажи, — говорю я, — мне, дедушка, где ещё сохранилась древняя Русь, где не перевелись бабушки-заворенки, Кощей Бессмертные и Марья Моревна? Где ещё воспеваются славные мотуچه богатыри?»

Перебирая, рассматривая сокровища диалектных слов, отыскивая следы их некогда активного бытования и разматывая тонкие нити родства, порой ловлю себя на том же ощущении, что описывает в рассказе «За волшебным колобком» Михаил Михайлович Пришвин. Чувствую, что таится где-то, ещё не отысканная мной, сказка, исконная, древняя, удивительная, наполовину вросшая в былое, как избушка Яги. И пока ещё есть шанс отыскать её, отворить скрипучую дверь, выслушав жалобу давно не смазанных петель. Позволить половицам пропеть свою едва слышную песню. Найти в оставленной кем-то (давно ушедшим) шкатулке мелочи: копейные, если отнести их на блошинный рынок; бесценные,

если смотреть сердцем, привязанным к родной земле и родному языку.

Но всё-таки где-то внутри прячется вопрос, полушутливо заданный в рассказе стариком. Дело ли я пытаю или всё-таки лытаю от дела? Не является ли это погружение в прошлое, погоня за ним своего рода эскапизмом, уходом от проблем дня сегодняшнего, и всё это блуждание по тропинкам забытых и полузабытых слов — только «лытанье»?

Удивительное, сказочное слово. С детства привыкшие к присказке «дело пытаешь или от дела лытаешь?», — помним ли мы, что отвечает на вопрос сказочный богатырь? Как правило, герой говорит: «Сперва накорми, напои, в баньке выпари, спать уложи, а наутро выпытывай». Сначала приятное, а уж опосля... Вот и платит хозяйка избушки гостеприимством за попытку выпытать, дело ли пытает богатырь.

Несмотря на обилие родственных слов с положительной семантикой (ведь, как мы помним, попытка не пытка, а любопытство — не порок), современный человек слово «пытать» понимает исключительно как «подвергать пыткам, мучить, причинять боль». Это значение описано как основное в словарях Татьяны Фёдоровны Ефремовой, Сергея Ивановича Ожегова и Наталии Юльевны Шведовой. В словаре Дмитрия Николаевича Ушакова это значение тоже стоит первым, и во всех упомянутых словарях с пометкой «разговорное» приведено значение «настойчиво расспрашивать, стараясь узнать что-нибудь». У Ефремовой находим с пометкой «устаревшее» значение «проверять чьи-либо качества, свойства, пригодность к чему; испытывать». В словаре Ушакова с пометкой «областное»: «искать, добиваться, испытывать».

В словаре Владимира Ивановича Даля значение «подвергать пыткам» описано только третьим, а в качестве основного указано «испытывать, искушать, познавать свойство, доброту, годность чего, от(из)ведать». Также приводит Даль значение «пробовать, покушаться, посягать, добиваться, стараться, посылаться на что».

Признаюсь, слово «спосылаться» стало для меня настоящим открытием. Вы только почувствуйте оттенки смысла! Даль его объясняет так: «спосылкнуться на что, новгородское, костромское посылаться, подаваться или робко решаться, почти соглашаться; вынуждено обещаться».

Но вернёмся к попыткам понять смысл глагола «пытать» в его исконном, «сказочном» значении. Что же значит «пытать дело»?

Среди устойчивых словосочетаний можно найти выражение, которое не кажется нам таким устаревшим, как «пытать дело», — это «попытать счастья (счастье)». В словаре русского языка под редакцией Анастасии Петровны Евгеньевой этот фразеологизм толкуется так: «предпринять что-либо, рассчитывая на успех». «Пытать счастья» — это искать его, использовать возможность что-то получить, без гарантии, но с надеждой на благоприятный итог.

А пытать дело? Вероятно, пробовать преуспеть в его выполнении, решать проблему. Можно сказать (вспомнив определение Даля) — «пробовать дело на выполнимость, решаемость», опытным (и снова этот корень!) путём определить, удастся ли вообще в этом деле преуспеть. У Даля упоминается «пыт» — шуп, прут, которым что-то ищут. Образно говоря, «пытать» — тыкать издали палкой с разных сторон в какое-то важное дело, к нему примериваясь, чтобы понять, что оно из себя представляет, как за него браться.

Может, уточнить значение поможет происхождение слова? В этимологических словарях Макса (Максимилиана Романовича) Фасмера, Григория Александровича Крылова, Николая Максимовича Шанского глагол «пытать» возводится к латинскому *putare*, означавшему «думать, полагать, взвешивать, подсчитывать, обдумывать, рассчитывать, приводить в порядок». То есть, получается, «пытая дело», герой ищет пути решения, способы и возможности сделать необходимое.

Но глагол «пытать» остался в сказках, устарел, в то время как возвратный глагол «пытаться» живёт и процветает в современном русском языке. Потому что проверку устраивать, видимо, нужно не делу, счастьем или судьбе, а самому себе. Сумею ли я, годен ли для такого дела? Ведь оно, как известно, мастера боится.

А тому, кто не видит в себе сил, а в деле важности, другой путь — «лытать» или «лынять» от дела. Редко когда услышишь это слово даже в деревнях. Чаще — в сказках, в составе всё той же уже упомянутой при сказки. А в современном сленге — в значении «убежать, скрыться» — используется

В. Г. Перов. Странник. 1870 год. Государственная Третьяковская галерея.

очень похожее слово «лынять», пришедшее из воровского жаргона. Велико искушение связать эти две формы, допустить, что они соединились в речи преступников. Первая форма — «лынять» в переносном значении «менять политические взгляды, становиться перебежчиком». Это переносное значение мы находим, например, в словаре Ушакова: «Становиться ренегатом, отступать от последовательно-революционных позиций». И вторая форма — «лынять». Подтверждает эту версию то, что среди сленговых синонимов к слову «слынять» обнаруживается «сделать ноги». А ведь к ногам самое непосредственное отношение имеет глагол «лытать».

Конечно, версия эта скорее относится к лингвистическим фантазиям, подтвердить её ссылками на авторитетные издания не получается. Однако в процессе поиска мне удалось обнаружить, откуда всё-таки «растут ноги» глагола «лытать». Произошёл этот глагол от существительного «лытка». →

Лытка — не вся нога, а только её нижняя часть: от щиколотки до колена (так могли назвать икру, голень). Сейчас это слово чаще всего употребляют, говоря о разделке скота, да порой в севернорусских деревнях, скажем, на вологодчине, острословы могут припечатать длинного и худого человека прозвищем «бараньи лытки», или кто-то признается, что от страха у него «лытки трясутся».

Из Большого словаря русских поговорок Валерия Михайловича Мокиенко и Татьяны Геннадьевны Никитиной я узнала: можно ещё «задать лытки», то есть, бежать с такой скоростью, что «лытки сверкают» (так во Владимирской области говорят о том, кто быстро убегает), или «задрать (отбросить) лытки» (на орловской земле то же, что «отбросить копыта», умереть).

Не в столь уж отдалённые времена слово было вполне распространённым. Например, мы встречаем его в описании похорон тагарина у Льва Николаевича Толстого в «Кавказском пленнике»: «Потом прочёл мулла молитву, все встали, подняли мёртвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мёртвого под мышки, да под лытки, перегнули, спустили пологонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот».

Именно лытки болят сильнее всего в тех случаях, когда человеку приходится долго быть на ногах. «Лыгать от дела» — не просто избегать работы, скрываться, это — в самом буквальном смысле бегать, ходить, создавать видимость бурной деятельности и занятости, чтоб никто и не подумал найти для столь деятельной личности ещё какое-нибудь дело.

Ведь, «по христианскому рассуждению», добрый человек без дела «хлыстать» не будет. Глубоко в крестьянском укладе лежит такое отношение.

Очень хорошо формулирует это старец в рассказе Николая Семёновича Лескова «Отборное зерно». Он — выразитель народной мудрости, что уже по его облику видно: «...весь белый, матёрой старик, в плюсовом ватном картузе, борода празелень, и корсунский медный крест из-за пазухи касандрийской рубахи наружу висит. Понравился старец купцу своим правильным видом».

Когда начинает купец прохаживаться мимо, разглядывая старика и пытаясь начать разговор о своём щекотливом деле, тот

сердито осаживает гуляющего: «Что это ещё за прохаживание! В проходку ходить — это господское, а не христианское дело, а степенный человек за делом ходит и дела смотрит — дела пытается, а не от дела лыгает. Неужели же ты в таких твоих годах даром время провождаешь?»

Сам старец сидит на перевёрнутой лодке на берегу. Таков закон крестьянский. Есть дело — иди, делай, решай; нет — как говорят деревенские бабушки, «без толку не дрызгай». Старец своё право сидеть делом заслужил. Это только бешеной собаке семь вёрст — не крюк. Дурная голова ногам покоя не даёт, а человек, «рассуждение имеющий», просто так шататься не станет. Тем, кто впустую бродит, нет доверия, по мнению крестьянина.

Бродить без дела имеют обыкновение господа и всяческие начальники.

«В северном народе, я знал, существует легенда о том, что иногда люди необычайной власти принимают на себя образ простых странников и так узнают жизнь народа, — пишет Пришвин в рассказе, с которого началась эта заметка. — Я знал это поверье, распространённое по всему Северу, и понял, что теперь конец моим этнографическим занятиям». Барину никто никогда истинного лица не покажет. Это тоже в укладе русского крестьянина. Пока Пришвин переживает, что скроются от него, барина, все бабушки-задворенки, спрячутся сказки, рыбаки просят его «разделить море». Правда, сказочный сюжет?

В русской деревне разговор недолгий. Нет дела — мы найдём, чем занять. Если, конечно, ты свой брат-крестьянин, а не из господ. Барин-то сам всегда смотрит, чтоб никто не прохладился. Бездельники будут наказаны.

Вспоминается сказка Степана Григорьевича Писахова «Как поп работницу нанимал». Получает работница список поручений на день, с которым и троим не справиться, а поп приговаривает: «А потом спи-отдыхай». Только добавляет: «А ты, девка, день-деньской проспичь-проотдыхаешь — во что ночь-то будешь спать? Ночью поспядёшь, поткёшь, повышивашь, пошьёшь и опять — спи-отдыхай!»

Поэтому и трудяги, и от дела лытающие стараются быть в движении, лишь бы не наказали. Так что сразу и не поймёшь, что за человек перед тобой: дело пытается или от дела

лытает, трудяга он или паразит? А, может, подался в дорогу, потому что, как говорит старик в рассказе Пришвина, «дела да случаи всех примучили, вот и разбегаются народ...». Но крестьянину некуда бежать, если он не вольный, а крепостной. Тогда судьба его зависит от барина.

«Он был молодой, холостой, бравый, сильный, плечистый, с огромнейшими чёрными усами "вразмёт" и с бойкими, но неприятными манерами дурного тона, которыми он и оттолкнул от себя соседа-моряка при молёбне о дожде для земли алчущей. (...) Майор был холост и постоянно "лытал и судьбы пытал", или, проще сказать — искал выгодных невест для законного брака», — описывает Лесков в рапсодии «Юдоль» помещика Алымова.

Время, когда мы, читатели, знакомимся с Алымовым, — 1840 год. Страшный, голодный. Но для майора всегда есть и стол, и кров, ведь он — «женишок». Он круглый год разъезжает по соседям, где кормят не только его самого, но и «кучера, казачка Валетку, тройку лошадей и легавую собаку, которая называлась "Интендант"». Она была замечательна тем, что везде умела отыскивать съестные припасы и везде их очень ловко крадала.

Когда приходит к крестьянам страшная голодная зима, когда доходит до людоедства, Алымов уезжает кормиться по гостям, уверенный, что мужики его «как-нибудь перебьются». Он всё «лытает и судьбу пытает», в то время как голод и нужда не то что за лытки, за горло берут крестьянина.

«Поди-ко ребята-то воют, так не утерпишь... и самому есть хочется... в животе как веретеном сучит... Нам хуже собак... те падало лопают да ещё нас за лытки рвут... Вон меня искушали всю!» — говорит солдатка своей тётке, которую она считает «богачихой» и называет «баушкой». Тётка готова помочь, чем может: взять одну дочку солдатки с собой к «вынянченному» ею хозяевам в город. Но у бедной крестьянки много детей, все голодают. Через несколько минут после того, как произнесены слова жалобы, она удавит «баушку» подушкой, чтобы забрать её богатство, которого всего-то полтора рубля.

Другая мать, чтобы не дать умереть с голоду детям, вынуждена убить и сварить самого младшего, грудного, ведь молока нет, и он обречён. Но не может она жить с тем, что сделала, — совершает самоубийство. А

в это время барин Алымов «лытает и судьбу пытает», уверенный, что его люди как-нибудь проживут.

Мало того, он радуется, что обманул своих крестьян, испував яровую рожь в навозе, якобы для лучшей всхожести, а на деле — чтоб её не ели голодные крестьяне.

Такие, как майор, никогда не идут на прямое противостояние, они ускользают от любой ответственности. «Алымов хотел быть "добрым барином", — пишет Лесков, — он хотел "жить так, чтобы в деревне ему своих людей нечего было бояться" и "чтобы люди его хвалили". Но он достиг только одной половины этой программы, то есть он у себя в доме своих людей нимало не боялся, но похвал себе от них не дождался, а люди его говорили о нём, что он "шишимора"».

«Шишимора» — так в некоторых областях называют человека вороватого, плута, обманщика. Шишимора — шишига, кикимора. Сказочное существо, которое водит, морочит, пакостит исподтишка, прячется в лесу или за печью. Да только не поймать её, не проучить. Таков и Алымов. Вроде и не делает ничего дурного, а назвать его хорошим человеком — язык не повернётся. Поставить ему в вину только и можно, что он лытает и отлынивает от своих помещичьих обязанностей.

Глаголы «лытать» и «отлынивать» в словаре Даля стоят в одном синонимическом ряду: «отлынять, отлынуть или отлызнуть или отлытнуть от чего, отбывать, отгуливать, огуляться, отвиливать, отыграться, бегать дела, работы, уклоняться; отнекиваться, отлыгаться, отговариваться лентясь; лынять, лытать». Жаль, нельзя точно выяснить, отчего «отлынивать» оказалось сильнее своих диалектных родственников и выбилось в литературный язык. «Лытать» сохранилось только в сказках, а «лынять» и вовсе редко где встретишь, разве что всё-таки допустить родство между «лынять» и сленговым «линять».

Но это... домыслы. Истины в них — с комариную лыточку. Увлечаться домыслами и догадками — означает лытать от чего-то трудного, важного, так ведь от него отлынешь на пяденьку, а оно от тебя на саженьку. Поэтому остаётся сделать попытку за попыткой, приобретая опыт, распутывать нити словесного родства, позволяя пытливому уму с любопытством идти за волшебным колобком.